

ЧАСТЬ 1

ЛЕДЯНАЯ КОЛЫБЕЛЬ

Блэкуит, осень 1863 года

*Посвящается маме и папе,
который научил меня писать книги.
С благодарностью —
Кэтрин, Хэлене, Инессе и Джелле.
Без вас я никогда не довела это дело до конца!*

11 ноября

Покойник вмерз в озеро лицом вниз. Комиссар, засунув руки в карманы, хмуро изучал жертву. Над поверхностью выступали только подметки, покрытые тонким ледком. Дюжий полисмен багром простукивал лед вокруг тела.

— Ну так че? — наконец пробасил страж порядка. — Ломать?

— Угу. — Комиссар присел на корточки. Труп лежал не ровно плашмя, а под углом, погрузившись в лед на фут-полтора. Голова терялась в мутной глубине. Комиссар вздохнул. В конце октября неожиданно ударили такие морозы, что к ноябрю озеро Уир промерзло на ярд. Долбить придется долго...

— Бреннон! — прохрипели над головой комиссара. Он перевел взгляд с подметок усопшего на непосредственное начальство. Айртон Бройд, шеф полиции города Блэкуита, тяжело сопел и утирал пот с лица. Несмотря на мороз, долгая (без малого дюжина ярдов) дорога от берега к месту происшествия превратила толстяка в мокрую губку.

— Шли бы вы, — нелюбезно сказал комиссар Бреннон. — Схватите воспаление легких и помрете к чертям.

— Не дождетесь. — Отдуваясь, Бройд укрепил на переносице пенсне. — Это что?

— Труп. Утопленник. Надеюсь, — мрачно отрапортовал Бреннон и встал.

— Что значит — надеетесь?

— Уир промерз дней двадцать назад. А это уже четвертый недоумок, утопившийся в сплошном льду.

— Уже четвертый. — Шеф задумчиво огладил пышные бакенбарды. — Это нехорошо, Бреннон.

— Угу.

— За десять-то дней.

— Угу.

— Поэтому я привез вам консультанта.

— Угу... Чего? — вздрогнул комиссар. — Кого? В каком смысле — консультанта?

— В прямом, — сказал Бройд, невозмутимо глядя на Бреннона снизу вверх. — Он проконсультирует вас по данному вопросу. Если вам неясно, чем занимаются консультанты.

— Мне ясно, — процедил комиссар. — Ну и где он?

— Вот. — Шеф снял пенсне и указал им в сторону берега. Бреннон, онемев, уставился на консультанта и спустя минуту-другую, посвященную пристальному изучению, тихо, устало поинтересовался: — Вы что, издеваетесь?

— Нет. — Бройд постучал тростью по льду. — Он, конечно, прибыл недавно...

— Угу, — глухо вздохнул Бреннон, не в силах выразить чувства словами.

— Так мне ломать или нет? — спросил полисмен, в нетерпении ерзая вокруг трупа.

— Нет! — рявкнул комиссар, не сводя глаз с консультанта. Полисмен проследил за взглядом начальства и уважительно заметил:

— Во зверюга, сэр. Здорова, что бычок годовалый!

Пес был трех футов в холке. Он стоял на берегу, широко расставив мощные толстые лапы, и пристально смотрел на комиссара. Огненно-рыжая шерсть была настолько густой, что крупная вытянутая морда тонула в огромной шарообразной гриве. Впрочем, даже под пышной шерстью легко угадывались тяжелый костяк, широкая грудь и литые

мышцы. На спине собаки трогательным бубликом лежал пушистый, как у белки, хвост.

Пес по-волчьи опустил морду и понюхал снег, исподлобья глядя на тело и группку людей вокруг него. Потом на миг оскалил клыки, спрыгнул на лед и потрусил к покойнику.

— У-у, тварища! — восхищенно прошептал полисмен. — Это ж он сразу целую руку оттяпать может!

Собака шла по льду как по мостовой, ни разу не поскользнувшись, и комиссар ей позавидовал. Сам он не навернулся только благодаря полисмену с багром. Пес добрался до трупа и приступил к делу — принялся тщательно обнюхивать подметки. Айртон Брод приподнял шляпу, обращаясь к хозяину собаки:

— Доброго утра, сэр. Надеюсь, мы вас не разбудили?

— Нет, — ответил консультант мягким, низким голосом. — Я никогда не ложусь так рано.

Было пять часов утра, когда комиссар прибыл на место преступления. Бреннон смерил консультанта недобрый взглядом. Эту породу двуногих комиссар презирал от всей души — хотя и не смог бы назвать консультанта конченным хлыщом, но лишь потому, что тот был слишком статен.

Комиссар смотрел свысока на большую часть человечества, но этот тип оказался выше Бреннона на полголовы. Неразумная мать-природа снабдила типа длинными ногами, сильными руками, широкой и мощной грудью атлета. Венчала все это физиономия вроде тех, что печатают на обложках романов, которые дюжинами поглощают сестры и племянницы комиссара. Изучив черную копну волос, высокий лоб, орлиный профиль, мужественный тяжелый подбородок и прочие благородные черты лица, Бреннон скорбно вздохнул. Он ненавидел дилетантов. А этот, одетый с иголки, отутюженный и чистый до скрипа, принадлежал еще и к высшим слоям.

— Начальник отдела убийств и особо тяжких преступлений, — представил коллегу Айртон Бroyд, — комиссар Натан Бреннон.

— Угу, — буркнул хлыщ.

— Мистер Джон Лонгсдейл, консультант по случаям вмешательства.

Консультант уставился на комиссара по-детски невинными голубыми глазами, рассеянно поморгал и спросил:

— Где бур?

— Какой еще бур?

— Мне нужны пробы льда и воды из озера. Для этого необходим бур.

— У нас его нет. Зато есть багор, — ответил Бреннон. — Ты! Отдай сэру багор!

Полисмен протянул хлыщу орудие труда. Пес отвлекся от тела и внимательно посмотрел на хозяина. Лонгсдейл взял багор, как трость, обошел труп и ударил по льду около головы. Мутная твердь брызнула мелкой крошкой и пошла трещинами.

— Вы планируете доставать тело? — вежливо осведомился консультант. Пока Бреннон подбирал челюсть, хлыщ нанес еще один удар в образовавшуюся лунку. В дырку плеснуло озерной водой. Лонгсдейл опустил орудие около нее на колено, стянул перчатку, поддернул повыше рукав пальто, закатал манжет и невозмутимо погрузил ладонь в темные воды Уира.

— Ну как? — немного сипло спросил Бреннон, все еще переваривая демонстрацию силы.

— Гм, — отвечал консультант и с той же невозмутимостью сунул руку в лунку по самое плечо. Пес подпихнул к нему чемодан, который Лонгсдейл принес с собой.

— Будьте добры, откройте чемодан и приготовьте пробы для пробы, — велел Лонгсдейл.

— Ты! — Бреннон ткнул полицейского под ребра. — Давай!

Пока тот возился с застежками чемодана, Лонгсдейл выгреб из лунки полную горсть какой-то зеленой слизи, пробормотал:

— Надо же. Любопытно... — макнул в слизь палец и сунул его в рот.

— Господи, — с тихой тоской прошептал Бреннон. Он не мог так с ходу сказать, что хуже — консультант хлыщеватый или консультант помешанный, и только прерывисто дышал сквозь зубы — слышал от патологоанатома, что это успокаивает. Пока не помогало.

До своего кабинета Бреннон добрался часам к восьми утра. К озеру его вызвали в половине пятого; возвращаться домой и завтракать не имело смысла. Комиссар послал дежурного за кофе и пирогами в кафе напротив, вошел к себе и повесил на вешалку пальто. В мутном дверном стекле отразилась помятая физиономия; Натан взгляделся в нее без особого удовольствия.

Он уже много лет не носил формы и одевался у хороших портных, поскольку понимал, что с такой рожей его скорее примут за одного из тех, кто «Разыскивается! Особо опасен!». Бледный, как и многие очень рыжие люди, с выступающей вперед нижней челюстью, которую слегка маскировала короткая борода; голубоватые глаза под редкими бровями — красноватые с недосыпу. Лицо у Бреннона было длинное и костистое, а нос, и без того не идеальный, чья-то ловкая рука еще в армии сбила слегка на сторону. Высокий, на вид худощавый, он в свои сорок девять еще мог согнуть кочергу и свернуть в бараний рог любого... кроме шефа, который таскает к месту преступления идиотов-консультантов, будь он проклят!

Бреннон швырнул сюртук в кресло и подошел к окну. Департамент полиции города Блэкуита занимал красное квадратное здание в четыре этажа на Роксвилл-стрит,

в двух шагах от центра. Рядом располагались парк и кафедральный собор, и, глядя на снующие туда-сюда толпы горожан, комиссар нередко приходил к ценным мыслям. Но сейчас толп не было, не было и мыслей. Откуда им взяться в такую рань? Натан смотрел с высоты третьего этажа на пустынную улицу: очертания домов терялись в мутных, как стекло на двери, утренних сумерках.

Вчера трупов было три. Два из них еще оттаивали: Френсис Кеннеди, патологоанатом, хрупкий бодрый старичок лет ста двадцати, заявил в весьма цветистых выражениях, что возраст и здоровье не позволяют ему вместо вскрытий заниматься выпиливанием тел из ледяных глыб. Что же до первого несчастного, то, пошарив на столе, Бреннон нашел отчет о вскрытии. Чтение, в принципе не слишком радостное, привело комиссара в такое состояние, что дежурный, принесший кофе и пироги, ступил в кабинет с опаской, словно неопытный дрессировщик в клетку с тигром.

— Сэр...

— Где этот костоправ?!

— В гробу, сэр.

Комиссар влил в себя кофе, накинул сюртук и, гневно кипя, направился в гроб — подвальную холодную комнатку, отделанную белым кафелем, обитель патологоанатома.

— Это что значит?! — рявкнул комиссар и шлепнул бумаги на пустой стол для аутопсии. Френсис Кеннеди поднял голову от нового отчета и снял пенсне.

— Это причина смерти.

— Вы шутите?

— Молодой человек, я никогда не шучу такими вещами. Легкие и сердце моего пациента превратились в лед. Тем самым...

— И как это произошло?

— Не могу знать, юноша. Наука пока не всеведуща, — пожал плечами патологоанатом.

Бреннон снова вчитался в строки отчета. Смерть наступила вследствие полного оледенения легких и сердца. Трещины в ребрах... Перелом носа... Мягкие ткани лица вмерзли в лед и восстановлению не подлежат...

— Значит, установить его личность мы тоже не сможем.

— Это мужчина лет сорока пяти — пятидесяти, ростом пять футов с четвертью, сложение плотное, состояние печени свидетельствует о хроническом алкоголизме.

— Отлично, — буркнул Бреннон, — у меня таких — две трети из списка пропавших. И вам везут четвертого.

— Судя по его одежде, — Кеннеди меланхолично протер пенсне, — он был из мелкой буржуазии. Это чаще всего люди тихие, очень приличные. К тому же одет он чисто, аккуратно, не без щегольства. О нем явно кто-то заботился.

— А то я не понял, — пробурчал комиссар. — Это что?

— Шесть ножевых. Студент из кампуса. Я закончу к десяти.

— Угу. — Бреннон подошел к столу для разделки, как боязливо называли его в департаменте. В конце концов, убийства, грабежи и изнасилования тоже не ждут, и комиссар на время выбросил из головы оледеневших покойников.

К полудню Бреннон разобрался с накопившимся с вечера делами, запер в камеру пару молодчиков, которые устроили поножовщину в кабаке, и наконец выпроводил рыдающую матушку студента. Как бы он ей ни сочувствовал, но голод одолевал его все сильнее. Комиссар повязал запасной галстук, надел шляпу и отправился за провиантом.

Открывая свою пекарню прямо напротив полицейского департамента, вдовая миссис ван Аллен не прогадала. Поток полицейских, служащих ратуши и банка, преподобных отцов из собора и прочих голодающих оказался так велик, что вскоре заведение превратилось в небольшое кафе с едой

навынос и маленьким обеденным залом. Бреннон оценил кулинарный дар миссис ван Аллен первым и пользовался ее особой благосклонностью как постоянный клиент.

Нередко, глядя на вдову, мать пятерых детей, комиссар думал, что у них могло бы что-то получиться, не будь он закоренелым холостяком. В свои сорок шесть белокурая, с безмятежным взглядом, Валентина ван Аллен сохранила фигуру, которой позавидовали бы многие молодые дамы: высокая, статная, с пышными, округлыми формами. Однако сегодня прекрасная вдова была чем-то обеспокоена. Она лично завернула комиссару пирог с корицей, отсчитала сдачу и спросила:

— Мистер Бреннон, если вы не слишком заняты, не могли бы вы ответить на один вопрос?

— Да, мэ, конечно, — отозвался комиссар, усилием воли укрощая зверский голод. Между бровями миссис ван Аллен пролегла тревожная морщинка.

— Скажите, вы думаете... на озере сейчас безопасно? Бреннон подобрался.

— С чего вы усомнились?

Голубые очи вдовы затуманились.

— Мальчишка молочника видел, как с берега озера везли на подводе тело.

Мельком подумав, что мальчишка теперь станет героем дня для всей уличной оравы, комиссар вздохнул. Иногда он жалел, что не работает посреди глухой тайги или мазандранских джунглей.

— А почему вы спрашиваете? Об озере?

— Но ведь рождественские и праздничные гулянья! А на озере всегда делают каток. Разве вы забыли?

Комиссар мысленно проклял свою тупость. Вот что бывает, когда один рабочий день закончился в полночь, а следующий начался в четыре утра. Приближающиеся День независимости и Рождество напрочь вылетели из головы.

— Я вовсе не выпытываю у вас детали расследования и не собираюсь сеять панику в обществе, но мои дети хотят пойти на каток, и я волнуюсь...

— Вы же понимаете, что я не могу вам ответить, — сказал Бреннон, но продолжил уже помягче: — Но если вы уговорите ваших детей воздержаться от прогулок у озера, то это будет к лучшему.

Владелица кафе благодарно улыбнулась, но комиссар понял, что тревога ее не унялась. Он вышел из «Раковины» через полчаса, окутанный ароматом корицы и горячего медового напитка. Натана обволакивало чувство приятной сытости, и даже замороженные покойники не могли отравить этот миг немудреного счастья. Он уже собрался перейти улицу и вернуться в департамент, как вдруг заметил странное оживление около одного из домов.

Роксвилл, главную улицу Блэкуита, спроектировал архитектор, который, вероятно, с детства крайне пессимистично смотрел на жизнь. Прямая стрела Роксвилл-стрит пронзала город с севера на юг, сжатая высокими оградами из серого камня. Иногда они прерывались черными коваными решетками, а за ними виднелись квадратные, тяжелые, приземистые дома, темно-синие, черные и темно-серые. По улице вечно гулял пронизывающий ветер, а по ночам комиссару иногда казалось, что он бредет во тьме по кладбищу.

Среди прочих особо выделялся дом восемьдесят шесть — двухэтажный особняк, снизу густо-синий, сверху сизо-серый, под черной крышей. Решетка в каменной ограде состояла из острых, как когти, углов, а за ней начинался густо заросший сад. Когда-то здесь случился пожар, в котором погибла вся семья. Потом один из городских богачей купил дом, отремонтировал, но жить там не смог и съехал. Особняк несколько лет стоял пустым. Но сейчас перед распахнутой решеткой выстроились три телеги с чьим-то добром, а некий сухощавый тип в черном руководил снующими туда-сюда грузчиками.

Комиссар остановился рядом и, сунув руки в карманы, внимательно оглядел дом, телеги и сухощавого типа. Тот был молод — лет двадцати пяти или двадцати шести — и, вероятно ради солидности, отрастил черные бородку и усы — пожалуй, только их и удавалось разглядеть в тени от слишком широкополой шляпы. В целом же костюм молодого человека был безупречен, так обычно одеваются дворецкие из хорошего дома. Правда, для дворецкого господин казался слишком юн и тощ — Бреннон чаще встречал дворецких весом в двести пятьдесят фунтов и убуланных сединами.

— Въезжаем, а? — сурово спросил он у парня.

Тот взглянул на комиссара через плечо; из-под шляпы блеснули черные глаза.

— Комиссар Бреннон, полиция. — Натан предъявил значок. — Что это тут?

— Мистер Лонгсдейл переезжает в купленный им дом, сэ, — глуховато отозвался дворецкий.

«Да?!» — удивился комиссар и чуть было не спросил: «А зачем?» Казалось бы, если у человека есть столько денег, почему бы не купить милый особнячок на окраине, в хорошем районе, среди таких же сливок общества... и не путаться под ногами у полиции.

«На что ему этот гроб?» За минувшие годы дом не стал ни светлее, ни приятнее. Лонгсдейл Натану не нравился почти так же, как и сам особняк, и все же — жить в таком месте?.. Но продолжить допрос комиссар не успел — раздался цокот копыт, стук колес, и мимо Бреннона проехал экипаж. Он остановился напротив департамента, и изнутри, как шар, выкатился Айртон Бroyд. Следом наземь прыгнул огромный рыжий пес, потом — Лонгсдейл и, наконец, вылез Френсис Кеннеди. Все скрылись в здании, и Бреннон поспешил к месту службы.

Он вошел, когда шеф, собрав большую аудиторию, произносил пылкую речь об отцах города, мэре и епископе. На фразе «скопище слабоумных кретинов» Бреннон громко

кашлянул. Поскольку полицейские внимали начальству в благоговейном молчании, это прозвучало словно выстрел из пушки. Пес повернул морду и окинул комиссара долгим оценивающим взглядом. Лонгсдейл рассеянно осматривал комнату и происходящим не интересовался.

— Да, Бреннон? — раздраженно спросил Бройд.

— Насколько я понял, сэр, мэр отказал вам в отмене гуляний на озере?

— Да! Они не видят в происходящем ничего опасного! Подумаешь, четверо замерзших алкоголиков! Они...

— Они не алкоголики, — вдруг сказал Лонгсдейл. — По крайней мере, сегодняшней. Он одет очень хорошо, а в руке у него — крест. Скорее всего, этого кто-то из числа служителей собора. Миряне не носят таких больших крестов.

Повисла напряженная тишина. «Глазастый сукин сын», — подумал Натан.

— С чего вы взяли? — пробурчал Бройд. Лонгсдейл удивленно посмотрел на него.

— Разве вы не заметили? Вокруг руки, в которой крест, во льду образовалась полость. Кроме того, лед довольно прозрачен. Все видно.

— Бреннон...

— Результаты вскрытия первого покойника у меня в кабинете, сэр.

— Все ко мне, — велел Бройд.

— Я хочу увидеть первый труп, — заявил консультант.

— Он все еще в разделочной... простите, я хотел сказать, в морге, сэр, — добавил Бреннон, адресуясь к начальству. Пес понюхал пол и потопал к лестнице, ведущей в подвал. Консультант (черт знает по каким вопросам) невозмутимо зашагал следом.

— Эй! — крикнул Бройд, но его вопль остался без ответа.

Бреннон с удовольствием проследил за тем, как начальство медленно багровеет, и поинтересовался:

— Вернуть его, сэр?

— Я не помню, чтобы разрешал этому юноше играть в моем морге, — холодно заметил мистер Кеннеди. Шеф полиции шумно задышал и устремился в разделочную.

Лонгсдейл уже скинул пальто и сюртук на свободный стол для вскрытий и задумчиво изучал тело первого утопленника, начав с головы. Пес, упираясь передними лапами в край стола, обнюхивал усопшего снизу вверх.

— Что вы себе позволяете! — вскричал мистер Кеннеди. — Немедленно уберите собаку!

Лонгсдейл скользнул по старичку по-детски прозрачным взглядом.

— Насколько я понял, вы извлекли сердце и легкие?

— Э... да, — несколько смешался патологоанатом. — Там наблюдалось интересное явление, которое я определил как причину смерти.

— Легкие и сердце полностью оледенели, — перевел для шефа Бреннон.

Бройд снял шляпу и провел по лбу платком. Его гнев легко разгорался, но и утихал так же быстро.

— Значит, вмешательство, — заключил он.

— Никаких вмешательств не бывает, — проворчал Кеннеди. — Бывают алкоголики, которые сперва зальют глаза всем, что горит, а потом видят фей, леших, призраков... Куда?!

Закончив исследование тела, пес уверенно двинулся к камере для хранения внутренностей и лапой повернул ручку. Лонгсдейл нырнул в помещение. Теперь уже мистер Кеннеди залился краской негодования.

— Бройд! Что это за тип?!

— Консультант, — меланхолично отвечал шеф, — по вмешательствам. С той стороны.

— Какого черта он...

Консультант вернулся. Он успел натянуть хлопковые перчатки и бережно держал полностью оледенелые легкие и сердце. Бреннон изумленно заморгал. Он впервые такое видел. Прочитав отчет, комиссар решил, что лед